

СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ



Goltzius, Hendrick (1558—1617)

Quis evadet?
1594

На стене моей висит рисунок, снимок с славной картины Гвидо¹, изображающей любовь, человеческий череп и розы. Меня всегда поражала эта картина: соединение предметов, по-видимому столь несовместных, возбуждало во мне бесконечные ряды размышлений.

День уже клонился к вечеру; умолкал городской шум, сливаясь с последним, протяжным гулом колокола, темнота разлилась по моей уединенной келье; глаза невольно устремились на картину Гвидову; сумрак претворял ее в различные, перемежающиеся призраки, которые то являлись, то исчезали.

Протекло несколько мгновений, и мне показалось, что изображения рисунка от стены отделились и келья моя развилась в бесконечное пространство, светлое, беспредметное, бесцветное.

В сладком сне Кифарид покоился у меня в объятиях, русые, душистые его локоны касались лица моего; прекрасные уста улыбались; огненные розы вились вокруг нас и неприметно — сливались с его огненными ланитами; небрежно рука сына Кипридина покоилась на лире, и от струн ее неслись в воздух неопределенные волшебные звуки.

Пламень кипел по жилам моим, огненные розы сжигали сердце, глава тихо клонилась... Вдруг порывисто звукнули струны, потухли розы; взглядываю на Кифарида — он будто силится раскрыть глаза свои — и вдруг на их месте является ужасная впадина;

¹ У Гвидо нет такого сюжета. Между тем произведение, о котором идет речь у Одоевского и которое приписывается им Гвидо, хорошо известно. Это гравюра, а вернее — одна из двух различающихся лишь незначительными деталями гравюр Хендрика Голциуса (1558—1617). — Прим. М. И. Медового.

лицо его — безобразный череп, — на обнаженных челюстях казалось еще не исчезла улыбка...

Я затрепетал... снова тихо забряцали струны, и снова загорелись розы, и снова лицо Кифарида им уподобилось... Еще мгновение — та же перемена, тот же ужас!

И, казалось мне, протекли бесчисленные мириады веков — и Кифарид ежемгновенно то являлся в образе хладного скелета, то расцветал с пламенными розами... Мало-помалу я привык к сему явлению, холод скелета похищал излишний огонь из ланит Кифаридовых, пламень роз сына Кипридина разливал какую-то прелесть на безобразном черепе, трепет не потрясал более членов моих, сердце пламенело, но не сжигалось; — я ощущал тихую теплоту — блаженство, незнакомое смертным, — *вечная любовь* согревала меня!

Стремится мечтатель за огненною розою наслаждений, — жизнь его прикована к жизни розы, он живет и умирает вместе с нею — то горит бурно, порывисто, то вдруг хладеет, как пепел. Лишь вдохновенный вечною любовью не знаком ни с палящим огнем, ни с умерщвляющим хладом: печаль его не различить с улыбкою, и простолюдины, по какому-то невольному чувству, жизнь его называют *живою смертию*.